

как зятю родня?» Второе направление: «источник — цель», и в его рамках выявляется то, как имена концепта «родственные отношения», будучи словами-компонентами в загадках, сами служат источниками метафоризации различных понятийных сфер. Образы родства отвечают антропоморфному символизму загадок; в них акцентируются многие смыслы родственных отношений в русской народной культуре, принятые за образцы для описания окружающего мира. Ср., например, загадки: «Мать толста, / Дочь красна, / Сын кудреват, / По поднебесью летат (печь, огонь и дым)»; «Батюшка — шатер, Матушка — ладья, Сынки — хватки, Детушки — подлизушки (овин, ток, цепи, метла)». В то же время на первый план выходят онтологически обусловленные отношения и связи между предметами и явлениями. Есть примеры того, как роль образов родства в описании тех или иных объектов уступает другим приемам кодирования или служит подсказкой, например, в силу фонетического сходства с именем загаданного денотата; ср.: «Стоит сноха, ноги развела: мир кормит, сама не ест (соха)». Данное исследование сосредоточивается на втором направлении: «источник — цель». Предложенный подход позволяет реконструировать ментальную модель мира (фрагмент «родственные отношения») с культурными элементами этой модели, которые внедряются в образную семантику загадок и, тем самым, отражаются в «наивной» культурно-языковой картине мира.

Свое и Чужое в славянской паремиологии Петровского времени*

Мокиенко Валерий Михайлович,

д. ф. н., профессор
Санкт-Петербургский государственный университет

Вальтер Харри,

д. филос. н., профессор
Университет Грайфсвальда

Петровская эпоха — значимый период в истории русского литературного языка, открывшего лексическое и паремиологическое «окно в Европу». Пословицы и поговорки этого периода, с одной стороны, демонстрируют органическую связь с предыдущим языковым состоянием — языком Московской Руси, а с другой стороны, отражают активные процессы языка и общества этой эпохи. Изучение пословиц и поговорок Петровского времени отражает динамическое взаимодействие «Своего» и «Чужого» в паремиологическом составе русского литературного языка, процесс его обогащения как за счет ресурсов собственной народной речи, так и путем интенсивного заимствования из европейских языков (голландского, немецкого, французского и др.). В отличие от лексики, заимствование паремий шло в основном путем калькирования. При этом прозрачность внутренней формы иноязычных пословиц и поговорок, яркая и понятная образность и особая экспрессия сразу же делала их популярными и «своими». Органической адаптации в русском языке способ-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-42008 «Пословицы и поговорки Петровского времени как культурный феномен языковых реформ (ретроспектива и перспектива)».

ствовал и народно-просторечный характер большинства паремий, заимствованных из разных европейских языков.

Собранный по паремиологическим сборникам Петровского времени (П. Симони, А. И. Богданов, А. Кантемир и др.) языковой материал в докладе будет подвергнут комплексному филологическому анализу, позволяющему разграничить исконно русские (resp. восточнославянские) пословицы и поговорки от иноязычных паремий-калек. Особое внимание будет уделено тематическим доминантам компонентам паремий, квалифицирующим национальную специфику источника.

Сопоставление анализируемых пословиц и поговорок с аналогичными паремиями других славянских и неславянских языков обеспечит их диагностику на оси «Универсальное — Национальное» (resp. «Типологическое — Национально специфическое»). Методика структурно-семантического моделирования при этом позволит определить интенсивность варьирования паремий как косвенного показателя их исконности-неисконности в русском языке. Лингвокультурологические комментарии, раскрывающие специфику внутренней формы пословиц и поговорок Петровского времени, станут экстралингвистическими квалификаторами их исконности или заимствованного происхождения. Предлагаемый анализ позволит продемонстрировать как общие закономерности паремиологического заимствования, так и специфику их актуализации в русском языке Петровской эпохи.

Польские пословицы конца XVII–XVIII вв. о преступниках и преступлениях

Невзорова-Кмеч Елена,

к. ф. н., доцент

Лодзинский университет

Преступники и преступления были во все времена, и XVIII в. не является исключением. По документам частично восстановлены описания жизни людей вне закона, быта и нравов преступного элемента, или, как их называли — *ludzi gościńca*. Основной целью старого польского уголовного права была охрана порядка и системы ценностей того времени. Нарушение этого порядка с нанесением значительного вреда в результате X-деяния рассматривалось как преступление (хотя таковым не называлось). В городском праве было деление на преступления: публичные, напр., оскорбление высокопоставленного лица, измена родине, фальшивомонетничество, святотатство, публичная брань, растрата государственных денег, и против частных лиц, напр., оскорбление личности, убийство, воровство (кража), поджог, взлом дома шляхтича, разбой (ограбление) на дороге, изнасилование женщины, побег кметов. Преступником можно назвать каждого, кто совершил какую-либо провинность. В Польше того времени часто на судебной скамье оказывались бедные горожане, бродяги (пол. *włóczędzy, wałęsi*), свободные люди (*luźne ludzie*), беглые крестьяне, простые люди (пол. *ludzie „prostej kondycji*) и под., и именно они получали самые суровые наказания. Наказание в паремиях рисуется как справедливая необходимость, которая имеет воспитательное значение (*Karanie jednego uskromi dziesiątego. Jednak karać, kto jednak broi*). Польские пословицы выбирались из словарей по принципу наличия в них компонента, называющего преступника (напр., *złodziej*), вид преступления (*kradzież* (*grabież, złodziejstwo*